

О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КАК АНАЛОГЕ ПОНЯТИЯ

А. Е. Бочкарев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

**About the meaning as a concept
Andrey Bochkarev**

According to many scholars the meaning is conceived as a concept. This meaning of the meaning is based on the semantic triad of Aristotle: *word — concept — thing*, the link between *word* and concept, *word* and *thing*.

О значении языкового выражения судят нередко по вкладываемому в значение понятию, а по понятию заключают о соответствующем понимании обозначаемого этим выражением предмета. Ибо если понимание какого-нибудь предмета связано с образованием подводимого под него понятия, а это понятие входит составной частью в содержание лексического значения, то аналогичным образом лексическое значение отображает посредством входящего в него понятия понимание данного предмета. Так отраженные в понятии свойства предмета преобразуются в компоненты значения, во всяком случае сигнификативного значения, а содержание лексического значения отождествляется с содержанием понятия.

Предпосылкой такой трактовки языкового значения является восходящая к Аристотелю триада *слово — понятие — вещь*. В сочинении «Об истолковании» читаем: «...то, что в звуко сочетаниях, — это знаки представлений в душе, а письма — знаки того, что в звуко сочетаниях. Подобно тому, как письма не одни и те же у всех [людей], так и звуко сочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых

суть то, что в звуко сочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления» [1. С. 93].

В определении Аристотеля можно выделить, как видно, следующие положения:

- слова воплощаются в звуковой или графической субстанции;
- слова – знаки представлений в душе о вещах;
- представления в душе суть подобия вещей;
- представления в душе, как и вещи, идентичны для всех людей.

С некоторыми вариациями эти положения получают развитие в средневековой схоластике. С той лишь, пожалуй, существенной поправкой, что слово (*vox*) соотносится с вещью (*res*) посредством понятия (*conceptus*), так что значением слова (*significatio*) признается отныне понятие.

К семантической триаде обращаются впоследствии и многие философы современности – Г. Фреге, С. Милль, Р. Карнап, Б. Рассел и др., а между элементами триады складываются в окончательном виде такие отношения: 1) отношение имени к реалии: знак обозначает предмет (*значение знака*); 2) отношение имени к понятию: знак выражает смысл (*смысл знака*); 3) отношение понятия к реалии: смысл знака задает значение [2. С. 221, 250–251, 489; 3. С. 92–100].

Камнем преткновения по-прежнему остается, однако, вопрос, что понимать под преобразованным в понятие аристотелевским «представлением в душе», а заодно и под ассоциируемым с ним значением слова – понятие или представление, значение по денотату (референту) или значение по сигнификату. Ибо в зависимости от точки зрения «понятие» трактуют по-разному: в логико-философском отношении это *понятие*, а в психологическом – *ментальная репрезентация*.

Понятия и ментальные репрезентации могут, конечно, коррелировать, а понятие *собаки*, например, сопрягаться с мысленным образом образцовой или даже какой-нибудь конкретной собаки. Но даже если, замечает У. Л. Чейф, понятие манифестируется в каком-то конкретном представлении, из этого, согласимся, не следует, что понятие совпадает с ментальной репрезентацией [4. С. 91–92, 96]. И не только потому, что

ассоциируемый с понятием образ *собаки* может меняться в ментальной репрезентации в зависимости от того, идет ли речь о *гончей* или *овчарке*, *лежащей* или *стоящей* собаке, но прежде всего потому, что понятие и ментальная репрезентация, относясь к разным сферам познания, образуют разное содержание.

С известной долей огрубления их можно, очевидно, соотнести с кантовскими эмпирическими и интеллектуальными понятиями, а формируемое на их основе содержание проанализировать ради удобства изложения в рамках семантической триады – по отношению *имени к реалии* и/или по отношению *имени к понятию*, т. е. соответственно по *референтному* и/или *сигнификативному* значению.

Отношение имени к реалии: «эмпирические» понятия. Слова Канта о том, что понятия пусты без созерцания, приемлемы для языковых выражений не в меньшей степени, чем для логического определения понятий. И здесь, поясняет Кассирер, сферу «смысла» нельзя отделить от «чувственности» [5. С. 133]. А если, продолжим, сферу «смысла» сопрягать с «чувственностью», а значение языковых выражений определять через данные нам в ощущениях вещи, аристотелевскую триаду можно тогда ограничить одним лишь отношением – отношением *имени к реалии*. Так, во всяком случае, решается проблема значения в экстенциональной семантике: значение сводится к обозначению, а анализ содержания языкового знака – к перечислению условий, которым должен удовлетворять знак, чтобы правильно обозначать.

В связи с таким чисто экстенциональным определением значения возникают существенные трудности.

Такой подход рассчитан, по замечанию Ф. Растье, только на лингвистику знака, прежде всего имени, а не высказывания или текста [6. С. 22–23]. Поскольку в качестве интерпретанта знаковых отношений берется отношение имени к реалии, содержание языкового знака определяется вне какой-либо связи с другими знаками – в отношении только к объекту.

Поскольку путь к значению лежит через референцию, причем непременно прозрачную референцию, интерпретация затрудняется, когда референт оказывается переменным, хуже того – фиктивным. Ибо в непрозрачном референтном употреблении неясно вообще, с

каким индивидуальным объектом соотносится анализируемое выражение, какие предсказываемые свойства ему соответствуют, а какие нет. Возьмем в качестве иллюстрации такое, например, предложение из учебника по языку: *Пожилый джентльмен часто ходил по улицам города*. Даже если нам известно значение всех входящих сюда лексических единиц и даже если их комбинация не противоречит правилам сочетаемости ограничений, можно ли уловить, спрашивает Ф. Джонсон-Лэрд [7. С. 235–236], смысл утверждения, т. е. пропозицию, которую оно выражает в контексте? В экстенциональном отношении высказывание, конечно же, неопределенно, а для некоторых, возможно, даже и неоднозначно, ибо прозрачной интерпретация может быть в экстенциональном анализе только при неизменном, причем обязательно реальном референте, когда нам известно, допустим, что *город* соотносится с Принстоном, а *пожилый джентльмен* – с Эйнштейном. Неслучайно поэтому во избежание истинностного провала различают два употребления определенных дескрипций – атрибутивное и референтное [8]: высказыванию приписывают атрибутивное толкование, когда неясно о ком идет речь, или референтное толкование, когда речь идет о конкретном человеке – в данном случае Эйнштейне.

В экстенциональном исчислении нельзя, наконец, с уверенностью установить, по каким именно условиям (или признакам) можно гарантировать «правильное» обозначение. Поскольку в эмпирическом определении эксплицируются лишь отдельные свойства, мы никогда не знаем с уверенностью, не мыслится ли под словом, обозначающим один и тот же предмет, в одном случае большее, а в другом случае меньшее количество признаков. Поэтому, констатирует Кант, эмпирическое понятие никогда не остается среди определенных границ: например, «одни могут подразумевать в понятии *золото* кроме веса, цвета и ковкости еще и то, что золото не ржавеет, а другие, быть может, ничего не знают об этом свойстве его» [9. С. 547].

Указанные трудности не отменяют, конечно, отношение имени к реальности, но предъявляют к этому отношению, а заодно и к устанавливаемому на его основе «эмпирическому понятию», особые требования – по части прежде всего оформления «чувственности». Главное в таком случае понять, как оформляется в «эмпирическом

понятии» вещная субстанция, что служит основанием такого оформления и почему, наконец, отбираются именно такие, а не какие-нибудь другие референтные признаки.

В первом приближении может сложиться впечатление, что все эмпирическое, пока оно не определяется посредством рассудочных понятий, остается не более чем данным нам в ощущении. В действительности это не так. Мир ощущений – далеко не бесформенная масса: если восприятие что-нибудь вообще значит, замечает Э. Кассирер, тогда это не бесформенное восприятие *чего-нибудь*, а «уже форма, придаваемая душой отдельным восприятиям» [10. С. 17].

Во-первых, потому что отбор свойств задается ситуацией *hic et tunc*, в которой внимание фокусируется на таких и только таких свойствах воспринимаемых нами вещей, которые востребованы в ситуативном контексте, так что условия контекста если и не включаются, то хотя бы учитываются в референтном значении. Например, когда женщина, глядя в зеркало, поправляет прическу или шляпку, релевантной становится прежде всего востребованная в контексте отражательная способность зеркала, а, скажем, не размеры зеркала, художественная его ценность или материал, из которого сделана рама [11. С. 99–100]. Аналогичным образом, эксплицируя референцию имени в предикатных конструкциях, говорящий указывает в первую очередь на признаки, которые позволяют выделить то конкретное, что он имеет в виду: например, в суждении «Не то золото, что блестит» выделяется, пусть и негативным образом, признак /блестящий/, а в определении «желтый песок» – признак /желтый/.

Во-вторых, потому что референтные свойства соотносятся с воспринимающим субъектом, а их отбор зависит непосредственно от субъективных переживаний говорящего. Ибо решительно все, о чем мы думаем или говорим, обладает достоверностью не только в силу объективной наличности, но и как состояние *чьего-то* сознания [12. С. 179, 340–342, 379; 13. С. 73; 14. С. 102–107]. Испытывая, например, ощущение тепла от натопленной печки, мы знаем достоверно, что данное ощущение присутствует в нашем сознании как ощущение определенного свойства печки. Знание о самом факте ощущения ничем в принципе опровергнуто быть не может, зато последующие выводы из этого факта могут быть

оспорены или подвергнуты сомнению. В.С. Соловьев приводит в этой связи такой состоявшийся между И.С. Тургеневым и его слугой разговор: «Мне холодно, затопи печку!» — «Помилуйте, Иван Сергеевич, какое холодно — совсем тепло: ведь с утра топлено». — «Ну, послушай! Положим, я глуп, положим, я набитый дурак, но не до такой степени я глуп, чтобы не знать, холодно мне или тепло» [15. С. 798].

Сообразуясь с сугубо внешними обстоятельствами можно, конечно, оспаривать обоснованность суждения и на манер тургеневского слуги ссылаться на истопленную с утра печку, но такие доводы не отменяют самоочевидную достоверность субъективных ощущений. «Достоверна или нет такая система в смысле объективном, т. е. имеет ли какую-нибудь действительную силу и значение та связь понятий и явлений, которая утверждается в этой системе, заранее нельзя знать; но уже *заранее* можно и должно утверждать, — заключает В. С. Соловьев, — полную достоверность этой системы как данного сознания: пока о ней мыслится, она составляет такой же непререкаемый, безусловно-достоверный факт, как то ощущение холода, которое Тургенев отстаивал против своего слуги». А поскольку ощущения достоверны хотя бы потому, что их испытывают, а высказываемые в их отношении суждения истинны хотя бы потому, что соотносятся с внутренним состоянием говорящего, субъективные ощущения нельзя не учитывать в семантическом анализе. Неслучайно поэтому обращение экстенциональной семантики к так называемым «эмпирическим правилам смысла», по которым содержание анализируемых выражений устанавливают индуктивно, а высказывания вида *Мне холодно!*, *Мне жарко!* или *Болит!* приводят в соответствие с субъективными переживаниями говорящего [16].

В-третьих, наконец, потому что воспринимаемые свойства определяются «в контексте опыта» не сами по себе, а в соотношении с другими свойствами, так что в полагании даже отдельного свойства уже присутствует общая схема целого. Причем эта «схема» складывается, добавим, в общественной практике, а ее конфигурация зависит непосредственно от проецируемых на вещь социально нормированных моделей — схем, скриптов, ситуативных сценариев, фреймов, пропозициональных моделей. Ибо, если опытное знание, на основе которого формируется образ вещи,

является «концептуально инфицированным» [13. С. 77], таким же должен быть в принципе и отбор признаков, по которым определяется данная вещь. Так, обратившись в очередной раз к приведенному выше примеру, можно заметить, что для одной и той же вещи набор востребованных признаков может быть принципиально иным в разных ситуативных сценариях – в зависимости от того, идет ли речь о *зеркале–в–примерочной* или о *зеркале–выставленном–на–продажу*. Понять, чем отличаются в каждом из указанных случаев выделяемые признаки, можно хотя бы по тому, как воспринимается зеркало в разных ситуациях. По наблюдениям И. Гофмана, если какая-то женщина внимательно изучает на аукционе раму зеркала, а затем отходит назад, чтобы убедиться в качестве зеркального отражения, окружающим понятно, что на самом деле она не смотрится в зеркало, а лишь оценивающе его разглядывает как предмет, выставленный на продажу; но если, глядя в зеркало, она вдруг поправляет прическу, висящий на стене предмет становится просто зеркалом, а не выставленным на продажу зеркалом [11. С. 99–100]. Аналогичным образом зеркало в примерочной комнате служит главным образом для того, чтобы в него смотреться, а не для того чтобы его оценивающе разглядывать.

Короче говоря, образ вещи, данный нам в восприятии, не дается таким, каким есть, а *формируется* в ходе восприятия, ибо набрасывание смысла, а заодно и отбор референтных признаков релятивизируется относительно проецируемой на мир модели восприятия, так что актуально воспринимаемыми оказываются всякий раз такие и только такие признаки, которые задаются самой моделью. Главное в таком случае – не отказаться от референтных признаков вообще, а показать, как дифференцирующий их отбор зависит от соответствующей модели восприятия.

Отношение имени к понятию: «интеллектуальные» понятия. Если сферу «смысла» ограничивать рассудочной рациональностью, а значение языковых выражений сводить к понятию, семантическую триаду можно тогда ограничить одним только отношением – отношением *имени к понятию*.

Так решается проблема значения в условно-истинностной семантике, проверяющей значение анализируемых выражений на соответствие сущностным свойствам обозначаемых ими реалий.

Чтобы установить, например, что означает фр. *corps* «тело» в тексте Ламетри (1709–1751), П. Грайс обращается к «более или менее подробным знаниям» из популярной биологии, позволяющей ему установить в виде набора понятийных признаков так называемый *пучок объекта*, а этот пучок – обозначить через *мускулы, кровь, движение, мозг и нейроны* [17. С. 11]. Так отраженные в понятии свойства преобразуются в компоненты значения, а языковое значение отождествляется *implicite* с понятием.

Даже не вдаваясь в вопросы, насколько исчерпывающим является пучок объекта, как установить адекватность входящих сюда элементов и какие знания гарантируют наилучшим образом «правильное» истолкование, заметим пока, что значение *тела* в сочинении «Человек-машина» (1747) расходится существенным образом с современным толкованием. В интерпретации П. Грайса игнорируются, во всяком случае, интерпретирующие возможности ближайшего лингвистического контекста (в котором «*corps*» *тело* коррелирует, заметим, с «*âme*» *душой* в отношении к «*machine*» *машине*), а «*fibres du cerveau*» *волокна мозга* почему-то преобразуются в неведомые Ламетри *нейроны*. Такая несуразица, заключает Ф. Растье, плата за уподобление значения *corps* «тело» (в тексте Ламетри), понятия тела (в популярной биологии) и тела как объекта, представленного понятием-пучком [6. С. 24–25].

Подобные примеры позволяют, во всяком случае, понять, с какими сложностями сталкивается анализ языкового значения по онтологическим свойствам обозначаемых словами вещей.

В сугубо онтологическом подходе языковой знак трактуется в отрыве от других знаков, а его содержание определяется разве только по отношению к внешнему знанию. Так лингвистическая семантика попадает в зависимость от специально-научного знания, а семантический анализ низводится до проверки, насколько выделяемые компоненты значения соответствуют действительному положению вещей в той или иной области знания.

Семантический анализ затрудняется, когда субъект суждения расходится с объективным представлением, а предсказуемые в суждении признаки не соответствуют или даже противоречат сущностным свойствам объекта. Отсюда извечные вопросы, которыми задается условно-истинностная семантика: остается ли, например, *разбитая бутылка* «бутылкой», а *нож без лезвия*

«ножом». Ибо если придерживаться понятийных признаков, а эти признаки возводить в достоинство необходимых условий, которым должен удовлетворять знак, чтобы правильно обозначать, *разбитая бутылка* тогда и в самом деле уже не бутылка, *нож без лезвия* – не нож, так как не удовлетворяют заданным требованиям: «быть сосудом для какой-нибудь жидкости» или «быть инструментом для резания». Но даже признав, что системы знания входят в языковое значение в виде хранимых в памяти когнитивных аналогов, а языковые выражения соотносятся с вещами через посредство таких аналогов, нельзя не признать, что такие структуры должны изучаться лингвистической семантикой именно как языковые. В семном анализе, во всяком случае, *разбитая бутылка* истолковывается следующим образом: в контексте «разбитая» в семеме ‘бутылка’ нейтрализуется ингерентный родовой признак /сосуд/; в контексте «без лезвия» в семеме ‘нож’ нейтрализуется ингерентный видовой признак /режущий/ [6. С. 87].

Нельзя с уверенностью утверждать, хотя бы в силу ограниченности знания пределами своей предметной сферы, с каким преимущественно знанием должны соотносываться понятия, а заодно и устанавливаемые на их основе компоненты значения. Ибо если к тем же реалиям применять разные системы знания, разными оказываются соответственно и подводимые под эти реалии понятия. Так, обратившись к разбираемому Дж. Лакоффом примеру, нельзя не согласиться, что даже самый что ни на есть обычный *стул* можно истолковать разными способами, а анализируемый объект представить по принципу когнитивного соответствия как *колоссальное скопление молекул* (в молекулярном отношении), как *волновые формы* (в физике) или как *единичный объект* (в обыденном понимании) [12. С. 342]. Ибо если всякое понятие содержит в себе то, что представляется в подводимом под него предмете, то аналогичным образом всякое представление о предмете должно быть однородным с понятием, т. е. *колоссальным скоплением молекул, волновыми формами* или *единичным объектом*.

Ограничившись отношением имени к понятию, приходится отказаться от обиходных представлений об окружающих нас в мире вещах. Если придерживаться, в самом деле, онтологических свойств, *золото* тогда надо определять не по внешним признакам, свойствам и состояниям, по которым фиксируется референция

имени, а по атомному весу химического элемента. «Быть золотом» в таком случае значит иметь определенную формулу молекулярного состава, а не признаки /желтый/ или /блестящий/; «быть водой» значит иметь определенную формулу молекулярного состава, а не /прозрачность/, /отсутствие вкуса/ и /способность утолять жажду/. Означает ли это, спрашивает Х. Патнэм, что в определении значения *золота*, *воды* или *лиственницы* говорящим следует, полагаясь на мнение специалистов, абстрагироваться от ассоциируемых с ними обиходных представлений? [18. С. 54–56, 65, 75]. Или, другими словами, вытекающий отсюда вопрос: следует ли различать в анализе лексического значения разные типы знания, на основе которых выводится это значение – например, обиходное и специально-научное знание? В большинстве своем лексикографы, во всяком случае, убеждены, что лексическое значение не укладывается в рамки специально-научного знания и что отражать в системе словарных толкований следует именно наивную картину мира. Ибо если лексикограф не желает, как замечает Ю. Д. Апресян, превратиться в энциклопедиста, ему надобно придерживаться общепринятых представлений, а в языковом понятии отражать исключительно «наивное понятие о вещи» [19. С. 56–59].

Языковое значение, пусть некоторые семантические признаки и отражают соответствующие аспекты понятийного значения, не исчерпывается и даже не совпадает с понятийным значением. Ярким тому свидетельством является хотя бы обозначение цвета. В первом приближении можно, конечно, предположить, что цветовые обозначения производны от проецируемой на мир универсальной нейрофизиологической модели восприятия, а набор выделяемых хроматических признаков совпадает с научной моделью описания цветоощущений. В действительности это не так. И дело тут даже в том, что люди, говоря, например, *синее платье*, *niebieska sukienka* или *a blue dress*, могут не иметь ни малейшего представления, какая длина волны или относительная интенсивность связаны со словами *синий*, *niebieski* или *blue*, а в том, что научное знание непригодно вообще для установления языкового значения. Главным образом потому, что языковая концептуализация не совпадает с физиологией восприятия. Если нас интересует действительно языковое значение, а под значением мы понимаем то, что люди имеют в виду, когда употребляют слова, учитываться в толковании должны тогда только

«условия употребления слов» [20. С. 242]. Причем эти условия задаются именно знанием языка, позволяющим, например, уяснить, что *голубой* светлее *синего*, *салатовый* светлее *зеленого*, *бежевый* светлее *коричневого*, без какого-либо специального преобразования «светлее» в яркость или насыщенность. Главное в таком случае – не установить, как репрезентируется цвет «в нервных клетках... где-то на пути от глаза к мозгу», а показать, как совершается языковая концептуализация цвета и какое содержание вкладывается в языке в тот или иной цветовой концепт [20. С. 237, 284].

Указанные трудности не отменяют, конечно, отношение имени к понятию, но предъявляют к этому отношению, а заодно и к устанавливаемым на его основе понятийным признакам, особые требования – по части главным образом *оформления* субстанции «рациональности».

Об *оформлении* понятия можно говорить уже в свободно-диффузном типе толкования, когда определения той же вещи различаются по составу входящих в толкование компонентов значения и даже по комбинации, в которой выстраиваются эти компоненты в толковании [3. С. 612–622, 632–633]. Например, в определении понятия «лошадь» внимание можно сфокусировать либо на признаке /животное/, либо на признаке /вьючное животное/, а *лошадь* соответственно отнести либо к классу //животные//, либо к классу //транспорт//. В зависимости от порядка, или иерархии, компонентов значения одна и та же совокупность признаков получает, таким образом, разное оформление. Причем, каким бы ни было вкладываемое в понятие содержание, *форма* понятия задается таким и только таким признаком, по которому обозначаемая словом вещь подводится в определении под понятие, тогда как *субстанцию* образует вся совокупность входящих в состав определения признаков.

Поскольку понятие ограничивается определенной сферой знания, отбор формулируемых в понятии признаков совершается по отношению к данной, а не какой-нибудь другой системе знания. Так знание интегрируется в толкование в виде соответствующих компонентов значения.

Когда к той же вещи применимы сразу несколько систем знания, предпочтение отдается той системе знания, которая отвечает оптимальным условиям понимания вещи. Ибо если

определять понятие в его границах, *стул* тогда целесообразнее толковать в рамках таксономии «предметы мебели» по отношению к другим предметам мебели, *кошку* – в рамках таксономии «семейство кошачьих» по отношению к другим представителям семейства кошачьих или «домашние животные» по отношению к другим домашним животным.

В отборе понятийных признаков ограничиться можно только признаками, достаточными для различения – «не более чем нужно для полноты понятия» [9. С. 547]. По отношению к другим предметам мебели *стул*, например, характеризуется главным образом как предмет, предназначенный для сидения, со спинкой, без подлокотников и т. п.

Короче говоря, если значение языкового выражения и растворяется в понятии, отношение имени к понятию опосредствуется непременно определенной системой знания, а актуально воспринимаемыми оказываются такие и только такие признаки, которые задаются самой системой. Главное в таком случае – не отказаться от понятийных признаков вообще, а показать, как дифференцирующий их отбор зависит от применяемой в их отношении понятийной модели.

Так приходим к следующим выводам.

Не вникая в философские вопросы, насколько излагаемые в понятии суждения о предмете истинны или ложны, заметим пока, что понятие смыкается с теорией познания, а непременным условием образования понятия становится система знания, в рамках которой совершается понимание предмета.

Каким бы способом ни относилось познание к предмету, представление о предмете однородно с подводимым под него понятием: с «эмпирическими понятиями» коррелируют наглядные представления, с «интеллектуальными понятиями» – специально-научные понятия. Причем от одного можно перейти к другому. Так, воспользуемся примером Канта, эмпирическое понятие *тарелки* предполагает геометрическое понятие *круга*, а мыслимая в геометрическом понятии *круглота* наглядно представляется в эмпирическом понятии *тарелки* [9. С. 176].

Языковое значение может совпадать со специально-научным понятием разве только в терминологическом освещении, когда

требуется, например, истолковать, что представляют собой *синхрофазотрон*, *кварк* или *молибден*. В подавляющем же большинстве случаев языковое значение расходится существенным образом со специально-научным понятием:

— во-первых, потому что научная картина мира, будучи по сути интернациональной, не зависит никак от языка, на котором ее описывают: геометрическое понятие *треугольника*, например, идентично независимо от того, на каком языке написан учебник по геометрии;

— во-вторых, потому что языковая картина мира отличается от научной картины мира: например, фр. *baie* означает в обыденном понимании небольшую, приятную на вкус или ядовитую, дикорастущую ягоду красного цвета, а для ботаника это – плод с зернышками как у винограда, дыни и помидора. «Одним аргументом больше, – заключает Ф. Растье, – в пользу четкого разделения стандартного языка (если такое отвлеченное понятие существует) от научно-технических словников с особым характером семантического функционирования» [6. С. 174];

— в-третьих, отличаются, наконец, и языковые картины мира. По-немецки, например, ширину дома измеряют в окнах: ср. *zehn Fenster breit* «шириной в десять окон», а по-русски, замечает Ю. Д. Апресян, такой способ кажется, пусть и понятным, но непривычным [19. С. 59].

Поскольку слова соотносятся с обозначаемыми ими вещами через посредство эмпирических и/или интеллектуальных понятий, значение обозначаемых словами вещей релятивизируется относительно системы знания, в которой формулируются эти понятия. В ином свете предстают соответственно и такие традиционные вопросы философии языка, как истина и референция:

— не будучи прямой, референция понимается отныне не как отношение репрезентации к вещам, а как отношение между обозначаемыми словами вещами и системой знания, относительно которой воспринимаются обозначаемые словами вещи;

— истинностное значение суждений релятивизируется относительно знания, убеждения или мнения, с которым согласуется суждение о предмете, так что *золото*, например, может определяться в одной системе исчисления по химическому составу, в другой – по свойствам плавкости, а в третьей – по

аксиологическим признакам /драгоценный/, /презренный/, /священный/ и т. п.

Разумеется, всякое суждение о вещах отражает не сами по себе вещи, а сложившиеся о них представления, ибо поступающая из мира информация связана всегда с каким-нибудь знанием, убеждением или мнением. Но даже если языковые выражения и соотносятся с вещами через посредство систем знания, убеждения или мнения, а эти системы включаются в значение в виде хранимых в памяти когнитивных аналогов, из этого не следует, что языковое значение следует сводить к таким системам в силу исключительно когнитивного соответствия. В противном случае семантический анализ низойдет до изучения когнитивных моделей, тогда как они участвуют в семиозисе разве только в качестве фоновых знаний и интегрируются в виде компонентов значения при условии, если это предписывается или хотя бы не воспрещается непосредственно данным – лингвистическим и/или прагматическим – контекстом. Например, в реплике из разговора прохожих *Жить нужно реальной жизнью!* аксиологически релевантным в семеме ‘жизнь’ будет /прагматизм/, в рекламном девизе сотовой связи *Жизнь – это общение* – /коммуникабельность/, а в лозунге государственной автоинспекции *Жизнь – это ответственность* – /соблюдение правил дорожного движения/. Причем эти признаки не учитываются, похоже, ни в одной словарной дефиниции.

Поскольку в семантической триаде языковой знак получает значение помимо других знаков – в отношении к понятию или представлению, построить в таком отношении можно разве только лингвистику знака, а не лингвистику высказывания или текста. Ибо в реальном употреблении значение языковых выражений определяется относительно других выражений; и можно с очевидностью предположить такие отношения, в которых актуализируются одни и нейтрализуются другие признаки: например, в знаменитом произведении Киплинга про кошку, которая гуляла сама себе, помимо таксономических признаков /животное/, /семейства кошачьих/ востребованным будет, очевидно, признак /сама по себе/, в поэмах Бодлера – /нега/, а в древнеегипетских сакральных текстах – /священный/.

Помимо опытных знаний в виде понятий или ментальных репрезентаций, языковое значение задается семантической

компетенцией, упреждающей, на каком семантическом классе устанавливать значение лексических единиц и как, наконец, употреблять эти единицы в речи. Так, независимо от чувственных представлений или физических их коррелятов в виде длины волны и интенсивности, *синий* определяется в языке на классе цветовых различий по отношению к *зеленому*, *красному* или *голубому*. Причем значимость русского обозначения отличается от значимости франц. *bleu* или англ. *blue*, потому что в русском языке имеется также *голубой*.

Библиографический список

1. Аристотель. Об истолковании / Аристотель // Сочинения в четырех томах. - М.: Мысль, 1978. - Т. 2. - С. 91–116.
2. Фреге, Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Г. Фреге. - М.: Аспект Пресс, 2000. - 512 с.
3. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 784 с.
4. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. - М.: Прогресс, 1975. - 432 с.
5. Кассирер, Э. Философия символических форм. Язык / Э. Кассирер. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — Т. 1. — 272 с.
6. Растье, Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. - Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. — 368 с.
7. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // НЗЛ. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 234–257.
8. Доннелан, К.С. Референция и определенные дескрипции / К.С. Доннелан // НЗЛ. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М.: Радуга, 1982. — С. 134–160.
9. Кант, Э. Критика чистого разума / Э. Кант. - М.: Наука, 1999. - 655 с.
10. Кассирер, Э. Философия символических форм. Феноменология познания / Э. Кассирер. - М.; СПб.: Университетская книга, 2002. - Т. 3. - 398 с.
11. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.
12. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 792 с.

13. Патнэм, Х. Разум, истина и история / Х. Патнэм. - М.: Праксис, 2002. - 296 с.
14. Серл, Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. - М.: Идея-Пресс, 2002. - 256 с.
15. Соловьев, В.С. Достоверность разума / В.С. Соловьев // Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1988. — Т. 1. — С. 797–813.
16. Айдукевич, К. Язык и смысл / К. Айдукевич // Логос: Философско-логический журнал. — 1999. — № 7. — С. 67–93.
17. Grize, J.B. Introduction à la logique naturelle et approche logique du langage / J.B. Grize // Approches formelles de la sémantique naturelle. — Toulouse: L.L.S.I., 1982 — 20 p.
18. Putnam, H. Représentation et réalité / H. Putnam.- Paris: Gallimard, 1990. - 226 p.
19. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература», 1995. — Т. 1. — 472 с.
20. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание // А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 416 с.

Сведения об авторе

Бочкарев Андрей Евгеньевич
доктор Парижского университета Сорбонна (IV),
профессор кафедры французской филологии
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
e-mail: abotchkarev@sinn.ru